

Если бы Цзян Лу не упомянул об этом, Ли Тан не заметил бы, что он плачет.

Запоздалое чувство смущения охватило его, и он поспешно вытер глаза, размазывая слезы по лицу. С каждым мгновением они испарялись быстрее, и по коже пробежал холод.

— Я, я...

Ли Тан не мог объяснить свои действия; они казались ему абсурдными — почему он так расстроен? Почему он пришел искать Цзяна Лу, когда чувствовал себя так?

Это было просто потому, что Цзян Лу был одной из причин его огорчения?

К счастью, Цзян Лу не настаивал на объяснении.

Он взял Ли Тана за запястье, все еще перевязанное, и сказал:

— Сейчас начнется дождь. Пойдем внутрь.

Ли Тан никогда раньше не видел такой дождливой осени.

Внутри Ли Тан держал чашку с горячей водой, наблюдая, как капли дождя бьют по разбитому оконному стеклу, и начал вспоминать, как выглядит столица в это время года.

Разбросанные листья, кружащаяся пыль, сухой воздух и потрескавшиеся, кровоточащие губы.

Войдя в дом во второй раз, Ли Тан по-другому отнёсся к осени в Сюйчэне: она была гораздо более влажной, чем столичная, поэтому холод был влажным и пронизывающим. Кожа ещё не чувствовала холода, но он уже проник в поры и кости.

Чихнув, он увидел, как пламя свечи перед ним яростно замерцало, и свет на стене исказился. Цзян Лу, сидя за складным столом, бросил на него взгляд. Ли Тан извинился, шмыгнув носом.

— Извини за беспокойство.

Хотя, возможно, ему следовало сказать это, когда он входил в дверь.

Цзян Лу отвел Ли Тана в внутреннюю комнату, которая выходила на юг и имела лучше герметизированные окна.

Но здесь было темнее. Неоновые огни светили с северо-востока, а южная сторона упиралась в

гору. Тени деревьев колыхались в густой ночи, создавая впечатление, что они глубоко в лесу.

Словно они были единственными людьми в мире.

— Здесь часто бывает темно, — сказал Цзян Лу, забирая свечу снаружи и небрежно ставя ее в чашку. — Электричество, возможно, не восстановят этой ночью.

Ли Тан просто ответил:

— Хм.

Чаша была широкогорлой, из-за чего свеча наклонилась, и воск капал на стол, образуя круг размером с монету. Цзян Лу снова вытащил свечу, прижимая ее основание к воску, чтобы закрепить на месте.

Ли Тан внимательно следил за ним, затем вдруг услышал тихий смех.

Сквозь мерцающий свет огня Цзян Лу посмотрел на него.

— Ты никогда этого раньше не видел, да?

Ли Тан никогда не видел дома, где отключения электричества были обычным делом, или таких примитивных способов освещения.

Он не хотел, чтобы другие думали, что он необразованный, сжал губы и серьезно сказал:

— Теперь видел.

Тем не менее, Ли Тан испытывал невиданное прежде спокойствие, находясь в этом маленьком доме.

Ему не нужно было рассчитывать, как поддерживать хорошие отношения или заставлять себя сливаться с шумной толпой, чтобы казаться общительным. Даже если бы маска, которую он носил, разбилась, открывая под собой обычную и холодную, бедную и скучную душу.

Но здесь было слишком тихо, так тихо, что невольно возникало желание исследовать дальше.

Среди бесчисленных вопросов, Ли Тан выбрал один, который казался менее очевидным:

— Ты давно здесь живешь?

Цзян Лу, который отдал единственный стул в комнате Ли Тану и сидел на кровати, ответил:

— Да, я живу здесь с рождения.

Слово «рождения» естественно побудило Ли Тана спросить:

— Когда у тебя день рождения?

Переход к этой теме был не совсем плавным, и даже казался несколько агрессивным и настойчивым. Цзян Лу мог это заметить, а мог и не заметить.

— Девятого ноября, — сказал он.

Ли Тан сразу удивился:

— Твой день рождения позже моего?

Затем он вдруг вспомнил кое-что:

— Я пошел в школу на год раньше всех, так что ты на год старше меня.

— Нет, — спокойно ответил Цзян Лу, — я взял год перерыва, так что на самом деле я на два года старше тебя.

Два года для кого-то в свои пятьдесят были бы незначительными. Но для Ли Тана, который отмечал семнадцатый день рождения, это был срок, превышающий девять десятых его жизни.

Быть на два года старше означало, что когда Ли Тан только родился, Цзян Лу уже мог ходить самостоятельно без помощи и, вероятно, уже знал, как говорить.

А почти каждое первое слово ребенка — это «мама».

Но его матери...

— Почему ты взял год перерыва? — Ли Тан никогда не был так стремителен в желании понять кого-то. — Это из-за...

Он посмотрел на левое ухо Цзяна Лу, которое было целым и красивым по форме, и легко было забыть, что оно не функционировало.

Только что он собирался произнести слово «ухо», как его телефон завибрировал в кармане.

Ли Тан посмотрел вниз и увидел звонок от одноклассника.

— Мы собираемся резать торт. Где именинник?

— Вы ешьте. Я... Я устал и собираюсь немного поспать.

— Ладно, ладно. Кстати, ты не видел Ли Цзычу и Хо Сичэня?

— Нет, а что?

— Они чуть не подрались раньше.

— ...Как это могло произойти?

В глазах Ли Тана, хотя Ли Цзычу был прямолинеен до неуклюжести, он всегда был дружелюбным и добрым. Трудно было представить, что он может вступить в конфликт с кем-то.

— Я тоже не знаю, что произошло, — одноклассник на другом конце провода был также в замешательстве. — Они вышли какое-то время назад и не вернулись.

— Ты им звонил?

— Да, но никто не ответил.

— В таком случае, я тоже попробую с ними связаться.

После того как он повесил трубку, Ли Тан сразу же позвонил Ли Цзычу, но тот не ответил. Затем он отправил сообщение в WeChat, но ответа не последовало.

С Хо Сичэнем было то же самое — они были недоступны.

У Ли Тана в голове был хаос. Он позвонил водителю семьи, чтобы тот помог найти их поблизости, и связался с домработницей, чтобы она позаботилась о гостях дома. Если кто-то из них захочет уехать, пусть она вызовет такси.

Как только все уладилось, водитель перезвонил, сказав, что нашел обоих на лужайке в районе, и они в безопасности.

Наконец-то смогший вздохнуть с облегчением, Ли Тан положил телефон и посмотрел на кровать. Цзян Лу там уже не было.

Под карнизом дверного проема маленькая желто-черная собачка виляла хвостом. Ее пухлые передние лапы поочередно тянулись вперед, прося еды.

Цзян Лу сидел на пороге, его руки покоились на коленях. В его руке остался лишь маленький кусочек колбасы.

Ли Тан подошел ближе, удивленный увиденным.

— Разве ты не говорил, что не будешь ее кормить?

Цзян Лу бросил еще один кусочек колбасы щенку и безразлично ответил:

— С тех пор как ты его покормил в тот день, он еще больше за мной таскается.

Ли Тан вдруг почувствовал смущение.

— Извини, я...

— За что ты извиняешься? — Цзян Лу повернулся к нему. — Сегодня твой день рождения.

Ли Тан был ошарашен, и ему понадобилось время, чтобы понять, что именно имел в виду Цзян Лу: именинник удостоился чести быть прощенным за все.

Ли Тан слышал о таких привилегиях раньше, но это было впервые, когда кто-то показал ему на деле, что в день рождения ты становишься самым важным, и все должно вращаться вокруг твоего счастья, даже если это означает нарушение правил или неразумные поступки.

Тоска в его сердце тихо рассеивалась.

Под навесом все еще оставалось немного свободного места. Ли Тан присел и потянулся за колбасой в руке Цзяна Лу.

Цзян Лу увернулся.

— Остался только один кусок.

— Но я не собираюсь его есть сам.

Пробормотав это, Ли Тан упрямо взял последний кусочек колбасы и сам накормил щенка. После этого щенок не был удовлетворен и стал лизать пальцы Ли Тана, которые казались мокрыми и щекотливыми.

— У тебя больше нет? — спросил Ли Тан.

Цзян Лу протянул руки, показывая, что ничего не осталось. Ли Тан вдруг вспомнил о роскошном пиршестве на столе дома перед уходом и вздохнул с сожалением.

— Сегодня приготовили двадцать восемь блюд, — сказал Ли Тан, протянув руку, чтобы поймать дождь под навесом. — Одно из них было остро-сладким супом. Тебе бы точно понравилось.

— Правда?

Цзян Лу ни подтвердил, ни опровергнул, глядя, как капли дождя падают на его бледную ладонь, скользят по его стройным пальцам, не знаям тяжелой работы, и падают.

Чистый звук капель, ударяющихся о землю, звучал как тихая мелодия, знакомая, но в то же время незнакомая, как фортепианная композиция.

Тем не менее, все оставалось неясным.

Его мир всегда был наполовину наполнен шумом и наполовину тишиной.

На мгновение они замерли в молчании.

Ли Тан умыл руки дождевой водой. Щенок подошел, чтобы снова его лизнуть, но он увернулся.

— Перестань лизать, — нахмурился он. — Щекотно.

Слабо завязанная повязка на запястье полностью развязалась от движения, отчего морщины между бровями стали еще глубже. Раздраженный, Ли Тан потянул бинт, но другая рука протянулась и схватила его первой.

Цзян Лу опустил глаза, его дыхание было медленным и ровным. Поскольку они были так близко, когда он заговорил, Ли Тан почти мог почувствовать низкочастотный резонанс его голоса.

— Почему рана до сих пор не зажила?

«И действительно, почему рана до сих пор не зажила?»

Ли Тан задал себе этот вопрос, а затем честно ответил:

— Это все твоя вина.

Он тихонько усмехнулся. Цзян Лу туго замотал повязку, надежно завязал ее, а затем, взяв Ли Тана за запястье, встал.

Цзян Лу поднял Ли Тана на ноги. От долгого приседания ноги у него ослабли, и он споткнулся, чуть не упав.

Инстинктивно он схватился за человека рядом с собой. Ли Тан подумал про себя, что алкоголь действительно приводит к неприятностям. Сегодня его позорное поведение могло бы быть опубликовано на гей-форуме с заголовком, который он уже придумал — «Бездельник-гей притворяется пьяным и цепляется за прямого красавца, обнажая свое нелепое лицо».

Кроме того, Ли Тан снова осознал, насколько силен Цзян Лу. Ли Тан видел, как он дрался раньше, но не ожидал, что один лишь этот захват может причинить боль запястью.

Хотя Цзян Лу держал его крепко, чтобы предотвратить любую возможность падения.

Как только Ли Тан восстановил равновесие, Цзян Лу отпустил его руку и повернулся, чтобы вернуться в дом.

— Иди сюда, — сказал он.

Ли Тан обычно не был покорным и податливым. Даже приказы от учителей и старших не заставили бы его слепо подчиняться. Обычно он обдумывал вещи, удостоверившись, что они разумны, прежде чем выполнять их, демонстрируя дух диалектического единства.

Тем не менее, команды Цзяна Лу, казалось, обходили процесс проверки. Услышав слово «иди», тело Ли Тана инстинктивно двинулось, следуя за Цзян Лу к столу.

Там он увидел маленький торт, поставленный в центре складного стола.

Так что Цзян Лу действительно выходил раньше, купив колбасу по пути.

Не совсем уверенный, Ли Тан указал на торт.

— Для меня?

Цзян Лу бросил на него взгляд.

— Есть второй именинник здесь?

Получив подтверждение, Ли Тан внимательно осмотрел стол: перед ним лежал совсем маленький торт, наверное, в десять раз меньше домашнего. Простой круг с чрезмерно гладким кремом, подкрашенным пищевым красителем, на первый взгляд, явно дешевый.

— Я мог купить только этот, — сказал Цзян Лу. — Если не хочешь его есть, выбрось.

Ли Тан немедленно шагнул вперед, защищая маленький торт.

— Не выбрасывай его.

Осознав, что его реакция была чрезмерной, Ли Тан пробормотал:

— Кто сказал, что я не хочу его есть?

Цзян Лу вернулся в комнату и принёс оставшиеся не сгоревшие свечи. Как бы он их ни расставлял, это выглядело странно. Он решил выстроить их в ряд и предложил:

— Загадаешь желание?

Ли Тан кивнул, медленно и торжественно закрывая глаза.

Это был его семнадцатый день рождения, самый тихий и простой из всех, что он когда-либо имел.

Но этого было достаточно, чтобы перевернуть катастрофу в конце дня и приблизить его к идеальному дню рождения, о котором он мечтал.

Мерцающий оранжево-красный свет пробивался сквозь его веки, освещая изначально темное пространство. Ли Тан стал единственным человеком в мире, отмечающим свой день рождения, получая все внимание и расположение.

Это было то волнение, которого он желал.

Даже если вкус торта оказался довольно обычным, зачерпнув ложку крема в рот, Ли Тан скривился, вычитая половину балла из уже идеального дня рождения.

Цзян Лу не любил сладости и не ел торт. Сидя в кресле, он подпер подбородок рукой и закрыл глаза, задремав.

Ли Тан слышал, что когда люди собираются заснуть, их мозг работает медленнее, и они расслабляются.

Более того, сегодня был его день рождения, и никто не мог заставить себя обмануть именинника.

— Есть вопрос, который я давно хотел тебе задать, — сказал Ли Тан.

Цзян Лу лениво ответил:

— Хм.

— Почему ты заставил меня сменить место?

Эта тема беспокоила Ли Тана больше месяца. Каждый раз, когда он видел Цзяна Лу, ему вспоминалось это. Он не был настолько наивным, чтобы верить в оправдания, которые дал классный руководитель. Должна была быть другая причина для внезапной смены места.

Возможно, неожиданно, Цзян Лу приподнял веки, казалось, что он стал чуть более бодрым.

Сначала Ли Тан думал, что продолжит спрашивать Цзяна Лу: «Почему ты не пришел».

Но это было все равно.

— До вступительных экзаменов осталось чуть больше года, — сказал Цзян Лу.

Ли Тан не понял, его выражение лица выдало недоумение.

Улыбка Цзяна Лу слегка изогнулась, а свет свечи отражался в его глазах, символизируя преданность.

Его голос был хриплым, когда он терпеливо объяснял Ли Тану:

— Если ты будешь сидеть рядом со мной, это будет отвлекать меня.